
ВОЛЬНЫЙ
9
ЛЕКАРЬ
СТУДЕНТ
СЕРГЕЙ КАРЕЛИН
ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

Вольный лекарь

Сергей Карелин

Вольный лекарь. Студент. Том 9

«Автор»
«Автор»
2026

Карелин С. В.

Вольный лекарь. Студент. Том 9 / С. В. Карелин — «Автор», «Автор», 2026 — (Вольный лекарь)

Учеба началась! Однако мои приключения и проблемы не закончились. Как выяснилось, в академии творятся жуткие вещи, в которых мне предстоит разобраться. А также встретиться с врагом, который не раз пытался меня убить.

© Карелин С. В., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 18

Егор Золотарев, Сергей Карелин
Вольный лекарь. Студент. Том 9

Глава 1

На следующий день после моего возвращения мы вновь собрались вчетвером в кабинете главного врача Ивана Анатольевича Астафьева. Он должен был доложить обо всем главе города, но не знал, что именно сказать.

— О способностях Степана никто не должен знать, — строго проговорил Яров, когда Иван Анатольевич предложил рассказать правду.

— Георгий Захарович прав. Мы не можем так рисковать, — поддержал его Анатолий Ренатович. — Неизвестно, как отреагирует ваш глава на весть о том, что в его городе орудовал маг. Может, сразу побежит с докладом или шепнет эту информацию кому-то из служителей «Лика Истинного».

— Но ведь я должен хоть как-то объяснить, — развел руками растерянный Астафьев. — Такого просто быть не может, чтобы люди выздоровели ни с того ни с сего.

В кабинете снова наступила гнетущая тишина. Уже два часа мы раздумывали над этой задачей. Академик предложил объяснить выздоровление каким-то из своих препаратов, но Астафьев и Калинин были категорически против. Да и сам Яров позже согласился, что это объяснение захотят проверить многие, ведь весть об эпидемии разнеслась на всю империю. А где ему взять такое уникальное лекарство, которого на самом деле не существует? Непонятно.

— Не представляю, что еще придумать, — Анатолий Ренатович подошел к столу с напитками и налил себе полный стакан солоноватой минеральной воды. — Подставить Степу мы не можем, но умалчивать о его достижении тоже. Ведь благодаря ему болезнь отступила, — лекарь с гордостью посмотрел на меня. — Степа достоин уважения и всяческих наград, но, боюсь, вместо наград он может получить кое-что иное.

— Я с вами согласен, но и вы меня поймите — меня ждут в городской управе с докладом. Уже многие знают, что больные выздоровели и опасность миновала, и ждут хоть каких-то объяснений. Я должен внятно рассказать: что это была за болезнь и как получилось с нею совладать.

Все снова погрузились в свои размышления. Я же не хотел тратить время, сидя в кабинете, ведь вечером мы уже вылетали на дирижабле в Москву, поэтому предложил свою идею.

— Лучше будет сказать полуправду, — подал я голос. Все одновременно повернулись в мою сторону и выжидательно уставились. — Предлагаю рассказать про сущность и объяснить, почему эпидемия повторилась. Благодаря сооружению, созданному Хранителями, долгое время удавалось держать опасное растение взаперти, но землетрясение уничтожило ловушку, и сущность вырвалась наружу, лишая жизни людей и животных. Мы с Иваном Кузьмичом нашли опасную сущность и сожгли ее. После этого все прекратилось.

— Хм, а ведь это очень даже логично, — подал голос Яров после нескольких минут молчания. — Не обязательно быть магом, чтобы расправиться с растением. Тогда и все почести Степе достанутся, и жизнь его не под угрозой будет.

— Я тоже согласен с этим, — лекарь Калинин поставил на стол пустой стакан, допив минеральную воду. — Пусть все знают, что с тварью расправился Степа. Да и Иван Кузьмич, который к сущности привел и помог, тоже благодарности заслуживает.

Мы еще немного поговорили и все вместе вышли из кабинета. Главного врача уже ждал экипаж, чтобы отвезти на аудиенцию к главе города. Яров поехал с ним, а мы с Анатолием

Ренатовичем пошли гулять по городу. Уже вчера мы разослали телеграммы: я — Полине, а лекарь — Вере, где рассказали о том, что болезнь побеждена, а мы возвращаемся домой.

— Степа, мы с Яровым тебе уже говорили, но хочу повторить вновь: никому не рассказывай и не демонстрируй свои способности руномага, — понизив голос, проговорил Анатолий Ренатович, надев шляпу так, чтобы она создавала тень от знойного южного солнца. — Ты можешь признаться только в том, что ты духогляд, ведь, в отличие от других магов, они считаются безопасными, поэтому никто не занимается истреблением духоглядов.

— Я помню об этом, — кивнул я и подошел к прилавку, где торговали местными сочными плодами, над которыми летали пчелы. — Взвесьте две дыни и корзинку слив, — попросил я лавочника с седыми завихрюшками на бакенбардах.

Тот кивнул и, убрав длинный нож, которым только что нарезал на дольки большой арбуз, поставил на весы две медовые дыни, от сладкого аромата которых рот наполнился слюной.

— Мы и так сильно рисковали, когда позволили тебе использовать свои способности в больнице. Надеюсь, эта информация до властей не дойдет, — лекарь выглядел обеспокоенным.

— Никто из них не знал, что именно я делаю, — я расплатился за дыню и сливы, и мы продолжили путь.

— Все равно — это очень рискованно. Ты слишком часто проявляешь себя. Я понимаю твое желание помочь, но ты должен думать прежде всего о себе. Ты молод, поэтому не застал тех времен, когда магов хватали прямо на улице и без суда и следствия просто убивали, обвиняя в черной магии. Это было ужасно. Никто не осмеливался пойти против самоуправства служителей и прихожан «Лика Истинного».

— Неужели они и сейчас продолжают убивать? — удивился я. Ведь все-таки надеялся, что живу в цивилизованном государстве, где правят законы. И, как я уже успел выяснить, нет ни одного закона, который бы разрешал самосуд.

— Не так открыто, как прежде, но убивают. Еще в прошлом месяце в Петербурге прямо в Мойке утопили мага, который управлял водной стихией. Его поймали, когда он упражнялся в создании волн. Связали руки, повесили камень на шею и на глазах прохожих сбросили с моста. Никто не осмелился его спасти, чтобы не навлечь беду на себя.

— Что стало с теми, кто это сделал?

— Не знаю, но предполагаю, что никакой ответственности они не понесли. Власти сквозь пальцы смотрят на преступления, связанные с гонениями магов. Даже влиятельные семьи, в которых рождаются маги, вынуждены скрывать это.

— Неужели не найдется тот, кто остановит все это безумие? — возмутился я.

— Боюсь, что таких смельчаков не сыскать. Орден Истинного самый многочисленный, а архимонах обладает огромной властью и входит в круг людей, близких к императорской семье.

— Император не понимает, что, избавляясь от магов, он делает хуже своему государству? Ведь мы обладаем той силой, которая недоступна обычным людям.

— Все он понимает, но страх перед магами гораздо сильнее. Ни один власть имущий не хочет потерять… Эй, осторожнее!

Мимо нас с огромной скоростью проскакал всадник в черном одеянии. Он мчался во весь опор по многолюдной улице, перескакивая через повозки, стегая плетью прохожих и злобно крича:

— Проваливайте! Пшел вон, тюхля! Фью-фью-фьють!

— Ну и болван, — буркнул Анатолий Ренатович, подобрал упавшую шляпу и стряхнул пыль, осевшую на его клетчатые брюки. — Стоило только всем прознать, что болезнь отступила, как горячий горный народец вновь показывает свою удаль.

— Горный народ? — заинтересовался я.

— Да, кавдары. Горные люди. Оно и понятно, всю жизнь воевали за лучшие земли, но теперь они владеют лишь небольшим участком у подножья гор. Большего им власть не дала.

— Что значит «владеют»? Эта земля полностью принадлежит им, и они ни за что не платят? — я вытащил из корзинки сочную сливу и откусил. Сладкий сок и нежная мякоть наполнили рот.

— Так и есть. Но даже этого кусочка они добились большими жертвами. Зато теперь живут припеваючи и не перед кем не отчитываются.

Мы вновь двинулись по улице, выискивая подарки для своих близких. Анатолий Ренатович купил Вере тапочки с загнутым вверх носом и красивой вышивкой, а я нашел для Полины бусы из горного хрусталя и набор шелковых носовых платков с местным орнаментом.

— Во сколько мы вылетаем? — спросил я у лекаря, расплачиваясь за две кружки прохладного кваса.

— В восемь вечера. Надеюсь, Яров не задержится, а то любит он в гостях засиживаться, — усмехнулся он и большим глотком отпил сладковатый квас.

Мы сидели на скамье под тенью деревьев и наслаждались копченой рыбкой-барабулькой с квасом.

— Эх, хорошо. В будущем году привезу сюда Веру на целый месяц. Пусть отдохнет. Правда, до моря далековато, но это ничего — она все равно плавать не умеет.

— Расскажите мне про тот народ — кавдары, — попросил я, бросив голову барабульки.

— Что ты хочешь узнать?

— То есть они живут сами по себе и не подчиняются власти, так?

— Да. У них свой старейшина. И законы свои. Их считают дикарями, но я думаю, что они просто очень смелые и свободолюбивые, именно поэтому не хотят жить по чужим законам и подчиняться императорскому роду. Старейшин они выбирают сами. Как правило, ими становятся самые умные и сильные.

— Как же император допустил, что на территории его государства живут те, кто его не признает? — удивился я.

— Кавдарам это стоило многих лет борьбы и тысяч погибших.

Вдруг вдали снова послышались крики и быстрый цокот копыт. Мужчина в черном ехал обратно, по-прежнему расчищая себе путь плетью и грозными возгласами.

Я поднялся со скамьи и подошел к дороге. Мне стало очень интересно посмотреть на него вблизи. Когда лошадь пробегала мимо, я встретился взглядом с молодым мужчиной с невероятно голубыми глазами под черными бровями. От него исходила магическая аура, свойственная только магам. Хм, а это уже интересно.

***

К счастью, Яров не опоздал. После ужина мы собрали вещи, академик вышел на улицу ловить извозчика, а я подошел к Агафье.

— В том, что болезнь отступила, самую большую роль сыграла Катенька. Именно она показала мне растение, из-за которого все произошло. Никто об этом даже подумать не мог.

— Спасибо за то, что вы ей доверились. Никто другой ее бы даже слушать не стал, — вполголоса проговорила женщина и с благодарностью посмотрела на меня. — Катя знала, что вы должны приехать, и очень ждала вас.

— Она — провидица. У нее сильный дар. Я бы хотел сохранить с вами отношения. Буду писать иногда, а вы мне отвечайте. Договорились?

— Конечно. Катенька будет рада, ведь все эти дни только о вас говорит.

— Что же она говорит? — заинтересовался я, ведь девочка могла видеть то, что никому не по силам. Возможно, она увидела мое будущее.

— Говорит, как нам всем повезло, что вы решили поселиться в нашем мире. Я не поняла, что это значит, а она сказала, что вы все поймете. А вы как думаете, что она имела в виду?

— женщина внимательно посмотрела на меня в надежде, что я разгадаю слова Кати. Я сделал вид, что тоже не понимаю, и пожал плечами.

— Передайте дочери привет от меня, а это вам, — я вытащил из кармана скрученные купюры, которые нарочно подготовил.

Здесь было ровно двести рублей. Я видел, в каких условиях живут женщина и ребенок, поэтому очень хотелось помочь им.

— Зачем это? — испуганно прошептала Агафья и отшатнулась, будто я вытащил из кармана не деньги, а змею.

— Катя помогла мне, а я хочу помочь вам. Берите, это подарок.

— Но ведь я не смогу вам ничего подарить взамен, — женщина выглядела растерянной, видимо, никогда раньше не получала таких подарков.

— Вы уже подарили этому миру вашу замечательную дочь, которая помогла сотням, а может, даже тысячам человек.

Мне пришлось еще немного ее поуговаривать, прежде чем Агафья приняла подарок и даже прослезилась, когда увидела, сколько денег я ей подарил. Конечно, это было расточительно с моей стороны, но, в отличие от служанки, у меня масса возможностей заработать денег.

— Ну, чего вы не спускаетесь? — в дверях появился возмущенный Яров. — Уже пять минут держу извозчика, а их все нет и нет.

Попрощавшись со служанкой, мы вышли на улицу и сели в карету. Все свои чемоданы и коробки с оборудованием Яров еще вчера отвез на вокзал и сдал в камеру хранения, поэтому сегодня обошлись одним экипажем.

Как назло, снова был сильный ветер, и дирижабль метался на канатах, как птичка в клетке. Анатолию Ренатовичу пришлось взять себя в руки, призвать на помощь все свое мужество, чтобы подняться по качающемуся мостику в гондолу.

— Отличное выдалось приключение, — Яров опустился на мягкий диван и с довольным видом вытянул ноги, расстегнув пуговицы сюртука.

— Вряд ли можно назвать приключением смерть почти тридцати человек, — подал голос Анатолий Ренатович.

Он все еще не оправился от страха перед высотой и сильным ветром, поэтому до сих пор был как на иголках, с опаской выглядывая в иллюминатор, в котором виднелся удаляющийся город.

— А ты представь, что было бы, если бы мы не решились на этот отважный шаг и не прилетели на выручку нашим коллегам? Вряд ли смерти исчислялись бы десятками. Скорее всего, померли бы тысячи человек. Так что мы имеем полное право наслаждаться победой. Кстати, мой ученик, Дима Семочкин, решил остаться в городе и не возвращаться в Москву. Тем лучше, в провинции всегда нехватка кадров. Все так и норовят остаться в столице.

В это время к нам заглянул стюард. Академик велел принести шампанского в честь победы над болезнью, но побледневший молодой человек, извиняясь, ответил, что на дирижабле алкоголь не держат.

— А вот это очень даже возмутительно! — распалился Яров. — Никто не может запрещать пить мне там, где я хочу! Билеты стоят дорого, но кроме стылой воды из буфета и жидкого кофе из прогорклых зерен ничего нет! Как отдыхать уважаемым людям на вашем дирижабле? Как?! — он вытаращился на стюарда, который, судя по виду, готов был под землю провалиться. Или, если конкретнее, под доски гондолы.

— Такие правила. Ради безопасности, — еле слышно ответил стюард и с мольбой посмотрел на нас, чтобы мы вразумили нашего товарища. Я пришел ему на помощь.

— Георгий Захарович, не думаю, что стоит нервничать из-за такой ерунды. Я могу угостить вас кое-чем получше, чем слабоалкогольная шипучка, — улыбнулся я и вытащил из рюкзака бутылку чачи.

— О-о-о, и впрямь получше, — обрадовался академик, который после вчерашнего застолья до сих пор мучился похмельем.

Я бы, конечно, мог ему помочь по-другому, но решил не растрачивать энергию по пустякам. К тому же ему полезно помучиться, чтобы нести ответственность за обильное возлияние.

Стюард с облегчением выдохнул, когда разбушевавшийся пассажир успокоился, быстро убежал и скоро вернулся с закуской: сырной тарелкой, копчеными колбасками и маринованными огурцами.

После нескольких рюмок чачи лекарь и академик легли спать, а я очистил организм от алкогольных токсинов и опустился на диван у иллюминатора. В этой поездке я снова столкнулся с разрушенной ловушкой, или, если по-другому, разрушенным узловым местом, ведь полное название Хранителей — это Хранители Узловых мест.

Узел — краткое и емкое название, которое заключает в себе много смысла. С помощью узла можно соединить, затянуть, зафиксировать и привязать. Каждый раз Хранители «привязывали» сущность к определенному месту, ведь не могли уничтожить. Но почему? Неужели они были недостаточно сильны, чтобы бороться со злом? Или они нарочно не убивали, а оставляли тварей в живых, чтобы использовать их силу для своих нужд? Хм… Об этом надо подумать. Кстати, я так и не успел узнать, какие маги существуют в этом мире. По возвращении нужно наведаться в Имперскую Палату знаний и найти всю информацию о них.

Еще меня заинтересовали квадры — народ, живущий у подножья гор и не признающий имперскую власть. Тот мужчина с голубыми глазами точно маг — в этом нет никаких сомнений, ведь я явственно почувствовал магическую энергию. Притом довольно сильную. Интересно было бы узнать о них побольше. Еще один повод наведаться в самую богатую библиотеку империи.

Я посмотрел на лекаря, который лег на свою постель, не раздеваясь, и сложил под щекой ладошки. Он мирно спал, чему-то улыбаясь. Академик же кряхтел и стонал во сне, будто бежал от кого-то. У меня же сна не было ни в одному глазу, поэтому я вышел в коридор и двинулся к смотровым окнам.

Дирижабль пыхтел и скрипел. Механизмы и двигатели работали, ветер шумел над головой, со свистом проносясь между натянутыми тросами. На улице была тьма — хоть глаз выколи, но внизу, прямо под нами, проплывало поселение, где горели огни. Красивейший вид, но ноги все равно похолодели. Я снова детально вспомнил о молнии и нашем падении. Почему я остался жив? Кто прислал меня в этот мир? Зачем это было сделано? Какая у меня миссия?

Я приложил руку к груди, закрыл глаза и мысленно произнес: «Зачем я здесь?». Не знаю, зачем я это сделал и почему решил, что так можно получить ответы, но, сколько бы ни ждал, мне никто не ответил. Возможно, еще не время задавать вопросы. Ну ладно, как говорят в этом мире — все тайное становится явным. Я тоже узнаю, зачем меня отправили сюда, но, видимо, не сейчас.

***

Илья пришел в себя и, открыв глаза, увидел, что над ним — низкий бревенчатый потолок с клоками старой грязной паутины. Где-то неподалеку трещал огонь, и что-то шкворчало. Пахло подгоревшей кашей и дымом.

Молодой лекарь повернул голову и увидел печь, рядом с которой на корточках сидел мужчина и аккуратно нарезал лучину из полена. Он делал это привычным движением и задумчиво смотрел перед собой.

— Где я? — прохрипел Илья и понял, что рот и горло настолько высохли, что даже говорить было трудно.

Мужчина испуганно вздрогнул и повернулся к нему.

— А-а, очнулся. Видать, полегчало, — он отложил свою работу, зачерпнул из бочки с водой полный ковш и подошел к кровати. — На, пей. Знахарка сказала, что есть тебе нельзя, а вот пить обязательно.

Присев на край лежанки, мужчина приподнял Илье голову и поднес к губам ковш. Тот с жадностью начал пить прохладную колодезную воду.

— Ну-ну, хватит пока, — незнакомец убрал ковш. — Лишь бы обратно не поплохело. Ведь цельную неделю здесь лежишь. Мы-то уж думали, что придется могилу копать, а ты вона — очнулся, — он явно был доволен. — Как хоть зовут-то тебя?

— Илья Прудников, — ответил Илья и осмотрелся.

Дом небольшой — всего одна просторная комната с двумя лежанками, на одной из которых он лежал сам. Посреди дома — печь. Сразу за ней — полки с кухонной утварью, возле небольшого окошка — стол со скамейками. Илья хотел приподняться, но острая боль разлилась по всему телу.

— Ох-х-х, — простонал он и снова упал на подушку.

Только сейчас он вспомнил, что произошло: на него напали и… убили?

— Лежи-лежи, тебе еще долго лежать, — сказал мужчина и накрыл его сползшим шерстяным одеялом. — Весь израненный. Как только жив остался? Не понимаю.

— Как я здесь очутился? — сдавленно спросил Илья, когда отдышался и боль притупилась, но не отступила, продолжая терзать молодое тело.

— Приметили мы тебя на обочине, в кустах. Сперва я подумал, что ты дух испустил, и уже хотел к старосте податься, чтобы о мертвяке доложить, но тут ты голос подал и в обморок упал. Мы с дочкой тебя к нам привезли, — он окинул взглядом свой дом и остался им доволен, будто не замечал убогую обстановку.

— Вы сказали, что я целую неделю у вас, так? — Илья аккуратно приподнялся и получше осмотрел дом, в котором оказался: пол земляной, печь не побелена, на окнах — занавески из грубой ткани, на стенах висят лапти разных размеров.

— Так, — кивнул мужчина. — Знахарка наша тебя выхаживала. Каждый день по три раза приходила. Жар у тебя был сильный, раны воспалились, загноились.

— Погодите-ка, а где мой чемодан? — спохватился Илья. — Там у меня все необходимое.

— Не было при тебе ничего. Мы даже имени твоего не знали.

— А паспорт? В кармане паспорт был? — он приподнял одеяло и обнаружил, что раздет до исподнего, а вся грудь перемотана тканью, от которой исходит терпкий запах тысячелистника.

— Ни паспорта, ни гроша — ничего нет, — помотал он головой. — Меня Захаром звать, а дочку мою — Варварой. Сейчас она корову доит. Если тебе есть нельзя, то хоть молока парного попьешь. Пойду знахарку позову.

Он поднялся, убрал нож, которым раскалывал лучину, и направился к двери, а Илья глубоко вздохнул и принялся разматывать повязку, чтобы оценить свое состояние. Увиденное ему не понравилось.

— Похоже, это конец, — выдохнул он, рассматривая воспаленные багровые раны, из которых сочился тягучий гной.

Глава 2

Полина с радостью собиралась на работу. Первую работу в своей жизни. Ее взяли ассистентом преподавателя по русскому языку и литературе. Сегодня она познакомится с преподавателем и узнает свои обязанности.

— Ты сообщила отцу, что устроилась на работу? — в дверях появилась Елизавета, которая с самого утра была разряжена, как кукла: вся в кружевах, с завитыми локонами и ярко-алыми губами.

— Пока нет. Сначала надо все выяснить. Если честно, то я даже не знаю, сколько мне будут платить. Постеснялась спросить, — ответила девушка, придирчиво рассматривая себя в зеркале.

— Странная ты, конечно. Первым делом надо было спросить о деньгах. А если твоя зарплата — сущие копейки? — Елизавета прошла в комнату и опустилась в кресло у окна.

— Пусть, — равнодушно ответила Полина и сняла брошь в виде птицы, хвост которой был сделан из драгоценных камней. Она посчитала, что нужно быть скромнее и не демонстрировать благосостояние. Отец продолжал регулярно пополнять ее счет, где накопилась уже довольно внушительная сумма, но Полина тратила мало. Тетка не брала ни копейки за проживание в ее доме и водила их с братом по ресторанам за свой счет.

— Я тебя не понимаю. Чем плохо высыпаться, заниматься тем, что нравится, и не выполнять ничьих приказов? Зачем тебе работать? — Елизавета неодобрительно покачала головой.

— Мы уже обсуждали это, — Полина сняла золотые серьги с бриллиантами и надела скромные серебряные в виде розы. — Я хочу чем-то занять себя и быть полезной другим. В Иркутске я часто бывала на фабрике и занималась бумажными делами папы, но здесь мне очень скучно.

— Как может быть скучно, если мы завалены приглашениями на званые обеды и ужины? Если нас рады видеть на каждом балу? Если каждый только и ищет повода, чтобы напроситься к нам в гости и пообщаться с тобой? — всплеснула руками графиня.

— Ах, тетушка, ты меня совсем не понимаешь, — покачала головой Полина, с тоской взглянув на женщину. — Мы разные. Ты привыкла к такой жизни и не видишь в ней ничего зазорного, но я жила совсем по-другому. Бывало, дома даже на кухне помогала, а здесь меня твой повар гонит и не дает ничего делать. Служанки застилают постель, едва я поднялась. Все так и сверкает от чистоты, но мне нужно чем-то заниматься. Иначе я просто зачахну.

— Чтобы не чахнуть, не обязательно работать, — Елизавета была непреклонна. — Можно нанять репетитора и изучить другой язык. Вступить в женскую организацию, которая проводит благотворительные балы, и собирать деньги для бедных. Или стать попечительницей детского дома. Много чем можно заниматься, но при этом не становиться чьей-то девочкой на побегушках.

Полина ничего не ответила. Уже не первый день тетка отговаривала ее идти на работу, но девушка не отступала. Она гордилась Степой и очень хотела соответствовать ему. Она знала, что он помог остановить болезнь и уже должен вернуться в Москву. Ей очень хотелось похвастаться новой работой и доказать ему, что она не одна из тех дочерей богатеев, которые изнывают от тоски или пускаются во все тяжкие от безделья.

— Мне пора. Нужно в девять быть в гимназии, — Полина взяла сумочку, перевязанные бечевкой книги и двинулась к двери.

— Я с тобой, — Елизавета поднялась и торопливо пошла за ней.

— Зачем? — Полина остановилась в дверях и удивленно посмотрела на тетку, которая обычно в это время еще спала.

— Хочу, чтобы твой непосредственный начальник знал, кто ты такая и кто стоит за тобой, — вздернув подбородок, ответила Елизавета и полюбовалась собой в зеркале Полины.

— Только не это, — выдохнула девушка. — Ты меня только опозоришь.

— Не говори ерунды. Поехали, — Елизавета прошла мимо нее и, приподняв подол платья, начала спускаться по лестнице. — Ты же знаешь, что я сделаю так, как решила. Сначала зайду к директору гимназии, а потом к преподавателю. Пусть все знают, что ты племянница графини Демидовой и дочь промышленника Базарова.

— Зря ты это затеяла, — Полина нехотя последовала за ней.

— Ничего не зря. Я прекрасно знаю, как в этих гимназиях обращаются с тем, кто ниже по положению. Сама там училась.

Полине ничего не оставалось, как с тяжелым сердцем согласиться с теткой. Они вышли из дома, сели в карету и поехали в женскую гимназию.

***

Я помог Ярову отвезти его вещи в лабораторию, которая находилась неподалеку от академии и делила одно здание с крупной государственной аптекой.

— Часть моих изобретений продаются здесь, — с гордостью сказал академик и кивнул на соседнее крыльцо. — Мои витаминные порошки расходятся как горячие пирожки.

— У вас своя лаборатория, — восхитился я, прочитав надпись над дверью: «Химико-фармацевтический кабинет академика Г. З. Ярова». — Как вы этого добились?

— Признаюсь, было трудно. Пришлось побегать по различным кабинетам. Кому-то на стол легли дорогие подарки, кого-то пришлось припугнуть высокими связями, но я своего добился. Уже десять лет работаем. Хочешь заглянуть?

— Конечно! — загорелся я.

Яров отпер дверь своим ключом и зашел первым.

— Проходи и захвати с собой одну из коробок! — прокричал он из глубины здания.

Я взвалил на плечо коробку, внутри которой звякнула посуда, и зашел в полутьму. Пока глаза привыкали, я принюхался и почувствовал многосоставный запах, в котором угадывался горьковатый дух полыни, сладкая тяжесть камфоры, резкость уксуса и терпкость эфирных масел, смешанных со спиртом.

Проморгавшись, первым делом увидел тяжелые дубовые шкафы, потемневшие от времени. Часть шкафов была со стеклом, за которым виднелись склянки с надписями.

В центре стоял массивный деревянный стол, покрытый листом светлого металла. На нем теснились ступки разных размеров, аптекарские весы с латунными чашами и гирьками. Рядом в металлических лотках лежали пинцеты, шпатели, воронки с узкими носиками.

Я прошел мимо стола и увидел за перегородкой довольно необычную печь: в кирпичную топку был вмурован медный куб, который соединялся со змеевиком, проходящим сквозь кадку с водой и заканчивающимся приемником, под которым стояла стеклянная колба.

— Это перегонная печь, — пояснил академик, показавшись из комнаты, что находилась слева. — Сегодня выходной день, но обычно здесь очень шумно, и в воздухе будто облако висит от пара. Вытяжка не справляется, — он указал на колпак над печью, от которого шла труба на улицу. — Говорят, есть вытяжки с мощными вентиляторами, но у меня пока нет средств на совершенствование. Большинство наших экспериментов заканчиваются крахом, — Яров печально вздохнул и покачал головой.

Я заметил пучки трав, свисающих с веревок, что были натянуты над печью. Сразу узнал лаванду, ромашку, зверобой и тысячелистник. Остальные мне были неизвестны.

На стенах висели плакаты с густым, мелко написанным текстом.

— Это фармакопея, — пояснил академик, заметив мой интерес. — Официальный свод стандартов, по которым определяем качество лекарств. Здесь прописано, как готовить и хранить.

— Но здесь не по-русски, — я попытался прочесть, но не понял ни слова.

— Верно. Латынь. В академии вы будете ее изучать. А вот здесь, — Яров ткнул в стопку журналов в кожаном переплете, — мы записываем каждый приготовленный состав. Вносим дату, ингредиенты, дозировку, имя добровольца, а также результат.

— Можно посмотреть? — спросил я и опустил коробку на пол.

— Да, можешь посмотреть, — немного подумав, ответил Яров. — Хотя посторонних мы не подпускаем к рабочим записям, но какой ты посторонний после всего, что мы с тобой прошли, — подмигнул он мне и протянул журнал, лежащий сверху.

Я перевернул обложку и вслух прочитал первую запись:

— «Порошок с ипекакуаной для отхаркивания». Двенадцатого октября. Состав… Здесь все на латинском, — я поднял взгляд на академика, который открыл коробку и начал расставлять посуду и инструменты по местам.

— Ингредиенты мы всегда, как и положено, пишем на латинском языке.

— Так, дальше, — я вчитался в мелкий, но аккуратный почерк с витиеватыми буквами. — «Испытуемый — купец Николай Васильевич Петров сорока двух лет от роду. Пациент жаловался на длительный упорный кашель без мокроты. После первого приема начал отходить кашель, но также началась рвота. Дозу уменьшили на четверть, и рвота прошла, а кашель продолжил обильно выходить. После пяти дней лечения самочувствие улучшилось. Лаборант Завьялов». Интересно, — я перевернул страницу и принялся читать следующую запись, сделанную третьего ноября.

Проводили эксперимент над отставным пятидесятивосьмилетним солдатом Соколовым, у которого была застарелая травма колена. С помощью ингредиентов, которые остались для меня загадкой, ему пытались убрать боль, долгие годы мучающую по ночам. Результат был описан следующий: заметное снижение боли, сонливость, признаков отравления нет. После прекращения лечения боль вернулась через три дня. Подпись поставил лаборант Орлов К. В.

Яров что-то говорил, но я так увлекся чтением, что не обращал на него внимания, опустившись на табурет. Следующим экспериментом была мазь от язв и ран на жировой основе. Из всех ингредиентов я смог понять, что в мази использованы растительные масла, воск и смолы. Испытуемым был крестьянин Федоров Т. Г. тридцати четырех лет. Судя по записи, он получил поверхностные ожоги предплечья. В примечании было написано, что мазь приготовлена на водной основе и профильтрована через льняную ткань. При нанесении мазь жжения не вызвала. На второй день отмечалось уменьшение гиперемии, и края раны стали чище. Подписался помощник лаборанта Лебедев А. Н.

Я снова перелистнул страницу, но тут Яров меня окликнул:

— Степа, заноси еще коробки. В следующий раз почитаешь.

Нехотя отложив журнал, взялся помогать академику. Вдвоем мы быстро разложили все по местам и поехали в Выселки. Анатолий Ренатович на извозчике уехал сразу с вокзала, поэтому, когда я прибыл в Выселки, меня уже ждали за празднично накрытым столом деревенские жители. Как оказалось, слава бежала впереди нас, и в газетах уже написали, что эпидемия закончилась благодаря академику, лекарю, студенту и егерю.

***

Архимонах «Лика Истинного» с удивлением прочел, что эпидемия завершилась. И еще большее удивление вызвала новость о том, что к этому причастен ненавистный ему Устинов.

— Как же ему это все удается? — задумчиво проговорил он, глядя на распахнутый разворот газеты. — Ничего не понимаю.

— Вы что-то мне сказали? — спросил служитель, протирающий пыль с табличек с глазом Истинного.

— Нет, сам себе, — отмахнулся от него Прокопий и посмотрел на часы.

Сегодня наконец-то должны освободить Антона Громова, после чего Харитон сразу привезет его в Святилище. Архимонаху не терпелось поговорить с начальником своей охраны, ведь он знал, что Громов сначала в нападении обвинил его — самого главу ордена. Правда, потом он забрал свои слова обратно и заявил, что дал их под действием шока, возникшего после того, как он попал в невиновного. Но это объяснение совсем не устраивало Прокопия. Он чувствовал, что здесь кроется какая-то тайна.

— Ваша святость, может, хотите пообедать? — подал голос служитель, когда навел порядок и освежил кабинет.

— Хочу, но позже. Сейчас должен приехать Антон. Дождусь его.

— Как угодно, — служитель с поклоном вышел, и в кабинете наступила тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов.

Архимонах словно завороженный смотрел на секундную стрелку. Вскоре ему стало казаться, что она намеренно замедлила ход. Минута за минутой проходили, но шагов по лестнице не было слышно. Когда архимонах уже решил, что желудок важнее, а Громов может подождать, послышались быстрые приглушенные шаги. Кто-то поднимался по винтовой лестнице.

Прокопий поправил на груди медальон, убрал со стола газету и, сцепив пальцы, выжидательно уставился на дверь. Шаги приблизились, после чего послышался осторожный стук.

— Заходи! — громко ответил архимонах.

Дверь с еле слышимым скрипом открылась, и в проеме показался Антон Громов. Выглядел он неважно: осунулся, под глазами — синева, на лице — щетина, и одежда помята.

— Добрый день, ваша святость. Позволите войти?

— Входи, Антон, и плотно закрой за собой дверь, — велел Прокопий.

Громов сделал, как ему было велено, и подошел к письменному столу главы ордена, не решаясь сесть без приглашения.

— Садись и рассказывай, — архимонах смерил его долгим подозрительным взглядом, от которого Громову стало не по себе. Он совсем иначе представлял их встречу.

— Меня схватили, когда я хотел…

— Об этом я все знаю, — нетерпеливо махнул рукой Прокопий. — Мне непонятны две вещи. Первая: как ты умудрился промазать с такого близкого расстояния? И вторая: как ты позволил мальчишке схватить себя?

Громов был готов к этим вопросам, но теперь никак не мог собраться с мыслями. Он сотни раз прокручивал в голове то, что произошло, и сам не до конца разобрался с тем, как именно все случилось.

— Я целился прямо в лоб, но в последнюю секунду, когда спусковой крючок уже был нажат, Устинов пригнулся. Это произошло так быстро, что я опешил и на мгновение замешкался. Устинов сориентировался гораздо быстрее и просто за долю секунды оказался рядом со мной, а потом… потом последовали точные удары по болевым точкам. Я сам учу своих подчиненных этим приемам.

— Откуда же этот деревенский неотесанный лапоть мог знать эти приемы? — прищурился архимонах, не спуская пытливого взгляда с Антона.

— Не знаю. Может, показал кто? — пожал плечами Громов.

— То есть если ты мне сейчас их покажешь, то я смогу пойти против сильного воина вроде тебя и уложить его на лопатки?

— Нет… наверное, — замялся Антон.

— Тогда эта твоя версия несостоятельна. Давай следующую, — архимонах продолжал буравить взглядом начальника стражи, а тот почувствовал себя ребенком перед грозным учителем.

— Мы про Устинова почти ничего не знаем. Возможно, кто-то из его ближайшего круга владел боевыми искусствами или…

— Громов! Устинов вылез из леса! — взревел архимонах, который больше не смог сдерживаться. — Какие боевые искусства?! Мужик в лаптях его этому научил?! Если ты про него ничего не знаешь, то я успел узнать достаточно. Сирота он и с малолетства был при наставнике, который драл его как сидорову козу, пока не помер.

Громов опустил глаза, ожидая, когда ярость архимонаха спадет, ведь он знал, насколько он бывает вспыльчив, но, к счастью, отходчив.

— Фух-х-х, у меня будет сердечный приступ из-за вас, олухов, — выдохнул Рязанов и провел рукой по лицу. — Что дальше было?

— Меня схватили и повезли…

— Что ты рассказал городовым?

— Ничего не говорил, молчал, — ответил Громов и почувствовал, как щеки краснеют, ведь отлично помнил, как сдал Прокопия с потрохами, сам не понимая почему, и решил в этом сознаться. — Но сначала… вас оговорил. Наверное это был шок. Потом, когда пришел в себя, забрал свои слова обратно.

— Шок, говоришь. Ну-ну… Как же тебя выпустили?

— Не знаю. Пришли и сказали, что свободен. Харитон меня встретил и сюда привез.

— Ясно, — с раздражением выдохнул Прокопий. — Иди пока. Потом подумаю, что с тобой делать.

Антон развернулся и быстро вышел из кабинета. Только когда дверь архимонаха за ним закрылась, он с облегчением выдохнул и не спеша спустился вниз, где его ждали Андрей и Харитон.

— Ну что? — бросился ему навстречу встревоженный Андрей. — Что сказал его святость?

— Сказал, что потом подумает, что со мной делать, — Антон явно был в плохом настроении. Он чувствовал холодность архимонаха и не знал, что ему уготовано.

Андрей и Харитон переглянулись. Они знали, что архимонаху стало известно о том, что Громов его сдал.

— Куда ты теперь? — спросил Харитон, протягивая ему табакерку с нюхательным табаком.

Антон отказался, мотнув головой, и посмотрел на своего коня, привязанного к жерди.

— Домой. Домашние еще не знают, что меня освободили.

— Как думаешь, он тебя уволит? — вполголоса спросил Харитон и мельком взглянул на окно в кабинете Прокопия.

— Не знаю. Так будет даже лучше, ведь ты сам знаешь, как решает проблемы наш архимонах, — Громов многозначительно посмотрел на друга, имея в виду, что все враги главы ордена мертвы.

— Нет, он с тобой так не поступит, — ответил мужчина, но уверенности в его голосе не было.

— Увидим, — Антон похлопал по плечу Андрея, отвязал лошадь и поскакал в сторону дома.

Андрей и Харитон смотрели ему вслед, чувствуя, как к горлу подступает ком. Оба знали, что Антон прав — архимонах не прощает обид.

***

Полина с удивлением обнаружила, что преподаватель русского языка и литературы не женщина, а молодой привлекательный мужчина с правильными чертами лица, копной светлых вьющихся волос и умными зелеными глазами. Он очень понравился Елизавете, которая тут же начала кокетничать с ним и зазывать в гости. Полине с трудом удалось отправить тетку поздороваться с начальницей гимназии и обсудить с преподавателем свои обязанности.

— Беру свои слова обратно, — заявила Елизавета, едва они сели в карету, чтобы поехать на обед. — Эта работа тебе очень подходит. А какой у тебя начальник, — она мечтательно закатила глаза. — Ради такого даже я бы пошла работать. Красавец!

Женщина разрумянилась, говоря о преподавателе, и, вытащив из сумочки веер, начала обмахиваться.

— Не понимаю твоего восхищения, — пожала плечами Полина. — Главное, чтобы он был хорошим преподавателем и чтобы мы нашли общий язык, ведь будем вынуждены много времени проводить вместе.

— Полинка, какая ты скучная, — нахмурила брови тетка. — Ты будешь работать с молодым интеллигентным мужчиной из хорошей семьи…

— Откуда ты знаешь, из какой он семьи?

— Спросила. У него отец — профессор, а мать — из дворянского рода. Живут почти в центре Москвы, в своем особняке. Именно такой муж тебе нужен.

— Тетушка, я только с ним познакомилась, а ты уже замуж меня за него выдаешь?! — возмущенно воскликнула Полина.

— Я намного старше тебя и прекрасно вижу все возможности. Для тебя этот Евгений Владимирович является идеальной партией. Ты приглядись к нему, а я буду делать все, чтобы вы встречались как можно чаще в неформальной обстановке, — заговорщически прошептала Елизавета.

— Тетушка, я предупреждаю, что, если ты не угомонишься, я съеду от тебя и обратно ты меня никаким пряником не заманишь, — Полина строго посмотрела на нее. — Если тебе так понравился Евгений Владимирович, то сама выходи за него.

— Я не могу, — снова вздернула она подбородок привычным жестом. — Я ценю свою свободу, а тебе надо думать о будущем. Ты должна своему отцу нарожать хотя бы пяток внуков, и с этим лучше не затягивать.

— Почему же ты сама ни одного не родила?

— Не забывай, у меня, в отличие от тебя, был старый муж, который не то что детей делать, себя с трудом обслуживал. А рожать от кого попало я не стала, потому и осталась свободной, привлекательной женщиной. Ты даже представить себе не можешь, сколько раз ко мне сватались, но я больше не готова посвящать жизнь только одному мужчине, — Елизавета улыбнулась, взглянув на себя в зеркало, которое висело в карете. — Я хочу пробовать разных.

— И ты мне будешь говорить про замужество и пятерых детей? — прыснула Полина. — Все, на этом тема закрыта. Я запрещаю тебе устраивать мою жизнь. Сама разберусь.

— Это мы еще посмотрим, — еле слышно ответила Елизавета и снова улыбнулась.

***

Илья наблюдал за тем, как девушка-знахарка с невероятно большими черными глазами качала головой, разглядывая раны.

— Еще хуже стало, — будто сама себе прошептала она. — Придется действовать иначе.

— Позовите лекаря. У них есть все необходимое, чтобы обработать раны. К тому же не мешало бы зашить, — подал голос Илья и посмотрел на Захара, в доме которого лежал.

— Нету тута лекарей. Во всей округе не сыскать, — развел он руками.

— Не может быть. Я был в постоялом дворе у тракта. Там много поселений, и лекари есть. Я это точно знаю.

— Так ты с тракта, что ли, до нас дошел? — удивился мужчина. — До него же два дня пути, если по прямой через лес.

— Как два дня? — упавшим голосом проговорил Илья. — Зачем же меня они так далеко увезли, если напали во дворе постоялого двора?

— Ты сам пришел, — ответила знахарка. — На тебе полно царапин и колючек. Весь комарами был искусан. Все лицо опухшее. Пришлось примочки сделать, чтоб на человека стал похож.

— Сам? Не может быть. Я помню, как на меня напали и как потерял сознание, а дальше… дальше я просто очнулся здесь, — Илья был растерян.

— С этим потом разберемся, а пока тебя вылечить надо, а то раны плохие. Помереть можешь, — сказала знахарка, поднялась с колен и повернулась к Захару. — Топи баню, а я пойду Лешего звать.

Илья не мог поверить своим ушам.

— Кого вы звать собрались? — осторожно спросил он.

— Лешего — хозяина леса. Он, если захочет, поможет.

Знахарка вместе с Захаром вышли из дома, а Илья понял, что если ему не окажут медицинскую помощь, то жить ему осталось совсем недолго.

Глава 3

Исаков Григорий Валерьевич, директор Медицинского департамента, сидел в мягком кресле и внимательно читал доклад, который отправил ему губернатор Причерноморской губернии.

В докладе черным по белому было написано, что эпидемия началась из-за растения, семена которого оседали в горле потерпевших и вызывали сильнейшую интоксикацию. Обычные методы лечения оказались бесполезны, поэтому из-за болезни умерли двадцать восемь человек. Губернатор также сообщал, со слов главы города и главного врача Центральной городской больницы города Краснодара, что растение нашли и уничтожили местный егерь Ермолин Иван Кузьмич и студент медицинской академии Устинов Степан Алексеевич. Выздоровление пострадавших совпало с уничтожением растения, из чего сделали вывод, что семена, потеряв связь с растением, перестали вызывать негативные последствия.

Вся эта история была настолько неправдоподобной, что Григорий Валерьевич три раза прочел доклад, чтобы удостовериться, что он все понял правильно.

— Ерунда какая-то, — выдохнул он, бросил доклад на стол, поднялся и подошел к высокому арочному окну, из которого виднелась статуя одного из императоров на коне и с мечом в руке.

Он часто смотрел на статую, когда не знал, как поступить, и временами ему казалось, что именно она помогала принимать решения.

— Что же делать? Расследование учинить или так все оставить? — спросил он сам себя и провел рукой по лицу.

О том, что в империи не раз сталкивались с довольно необычными растениями и существами и эти встречи часто документировали, Исаков знал, поэтому склонялся к тому, что история с растением и эпидемией может быть правдой. Вот только император напрочь отвергал любую магию и, соответственно, магических существ. Если его как главу Медицинского департамента император спросит о случившемся, то будет очень недоволен этим ответом. Надо придумать что-то более правдоподобное. Но для этого нужно пригласить того, кто был там и видел все своими глазами — академика Ярова Георгия Захаровича.

— Сережка, зайди! — крикнул он в сторону выхода.

Дверь почти мгновенно открылась, и показалось лицо его секретаря, который также являлся сыном его лучшего друга.

— Звали, Григорий Валерьевич? — бодро спросил он, смахивая с сюртука крошки только что съеденного пирожного.

— Отправь посыльного к Ярову. В записке напиши, что я велел явиться ко мне на обед.

— Повод указать? — деловито уточнил секретарь.

— Нет. Он и сам поймет, — Исаков отвернулся к окну, и ему показалось, что статуя императора подмигнула.

***

— Мы снова вместе, как в старые добрые времена, — с довольным видом проговорил Сергей.

Мы втроем шли по улице прогулочным шагом после вкусного обеда в ресторане «Белый лебедь».

— Мне тоже этого не хватало, — Полина с теплом посмотрела на меня. — Как хорошо, что закончилась эпидемия, а то я очень переживала за папочку. Он ведь не молодеет.

— А все благодаря нашему способному и очень талантливому другу Степану, — Сергей похлопал меня по плечу. — Молодчина! Горжусь безмерно!

— Да ладно вам. Это все удачное стечение обстоятельств, — отмахнулся я.

— Ты не прав. Девочка, конечно, сыграла не последнюю роль во всем этом, но она знала, что нужно обращаться к тебе, так как никто другой ее бы не послушал и тем более не поверил бы, — Сергей указал на сквер со скамейками по правую руку и первым повернул к нему.

— Без Кати я бы даже не понял, что происходит, ведь мои руны оказались бессильны. Они дарили лишь временное исцеление, — мне нелегко было признаваться в том, что я чуть не провалил это испытание. Сущность могла одержать вверх и унести много жизней.

— Ну-у, ты же не можешь быть всесильным, — развел руками Сергей, смахнул опавшие листья и опустился на скамью с коваными ножками. — А еще я очень горжусь, что ты студент академии. Ты смог обойти многих, и, пусть это нескромно, я имею к этому непосредственное отношение.

— Ты прав. Вы с Полиной многому меня научили.

Я взял руку девушки и поцеловал. Мне хотелось большего, но я не мог скомпрометировать ее, ведь вокруг было много людей, которые так же, как и мы, прогуливались и не спеша беседовали.

— Осталось пять дней до начала учебы. Ты уже купил все необходимое? — спросила Полина, прижавшись ко мне.

Мы сидели рядом друг с другом, и от этой близости мне становилось так тепло на душе, что я бы не хотел с ней никогда расставаться. Однако о том, чтобы сделать ей предложение, не могло быть и речи. Мне семнадцать лет. У меня нет своего дома, нет работы, нет капитала. Единственное, что есть — подарки благодарных излечившихся и небольшая сумма, которая постепенно таяла. Возможно, в скором времени мне придется задуматься о том, чтобы найти работу.

— Степа, а ты где собираешься жить? В Выселках? — спросил Сергей.

— Нет, не хочу пользоваться добротой Калининых. Мне предоставят общежитие, которое к тому же находится через дорогу от академии, поэтому не придется ездить.

— Я тоже не могу жить с тетушкой, которая думает, что может указывать мне, как жить. Вчера съехал от нее на съемное жилье и наконец-то вздохнул полной грудью. Свобода — такое пьянящее чувство, — он самодовольно улыбнулся и махнул рукой пареньку, продающему соленую закуску к пиву. — Корюшки дай один кулек, — попросил он и подкинул парню в руку монету.

— Ты съехал и не подумал обо мне, — буркнула Полина. — Теперь вся нерастраченная материнская любовь направлена на меня. Я засыпаю под рассказы о ее похождениях и просыпаюсь от нравоучений. Она даже взялась контролировать мой внешний вид и сама каждый день готовит мне наряд, в котором я должна ехать на работу в гимназию.

— Как твоя работа? — спросил я. — Нравится?

— Пока нравится, — кивнула девушка, но в глазах поселилась грусть.

— Что такое? — вмиг насторожился я, уловив изменение в настроении.

— Учеба пока не началась, и в гимназии находятся только работники. Я переживаю, что мне будет неловко при гимназистках.

— Что ж тут неловкого? — удивился Сергей. — Делай свое дело и не обращай внимания на других.

Полина пожала плечами и задумчиво посмотрела вдаль. Ее явно беспокоило что-то еще. Я не стал ее расспрашивать при брате. Спрошу, когда останемся вдвоем.

— А вон и наша карета. Кучер явился вовремя, — Сергей указал на шикарную карету с тройкой графини Демидовой, остановившуюся неподалеку.

Мы поднялись со скамеек и двинулись к карете.

— Степа, ты о нас не забывай. Держи мой новый адрес, — Сергей протянул мне свою визитку. — Если что понадобится или просто нужен будет собутыльник, я всегда буду тебе рад, — он рассмеялся и пожал мне руку.

Полина с укоризной посмотрела на брата и, несмотря на то, что на нас с интересом поглядывали, крепко обняла меня, но от моего поцелуя увернулась.

— До свидания, Степа. Мне бы хотелось видеться с тобой намного чаще. Ты знаешь, где я живу. Приходи в любое время, буду ждать.

— Непременно приду, — заверил я, помог подняться в карету и махнул рукой Сергею.

Друзья уехали, а я двинулся к академии в надежде, что уже вывесили расписание, но стена объявлений оказалась пуста. С нее убрали все листки и оттерли клей.

— Степа! — услышал крик за спиной.

Ко мне спешил тот самый уборщик, которого я спас от Рачкова, или, вернее сказать, не уборщик, а корреспондент «Обзора губернии».

— Здорово, Кирилл! — я пошел ему навстречу и пожал протянутую руку. — Как ты? Рана не тревожит?

— Нет, не тревожит. Благодарю за лечение, — раскланялся он, сияя, будто увидел не меня, а кого-то очень важного и значимого. — Читал о тебе в «Вестнике». Это просто потрясно! Ты победил эту жуткую болезнь!

— Было дело, — кивнул я.

— Такая удача, что я тебя встретил. Дашь мне интервью? — с надеждой спросил он.

— Особо нечего рассказывать. Академик Яров уже рассказал все журналистам из «Вестника».

— Меня этот академик совсем не интересует, — мотнул головой Кирилл. — Я знаю, что все сделал ты. Если ответишь на мои вопросы, я буду тебе очень благодарен. Могу даже поделиться своей премией, которую обязательно выпрошу у главного редактора.

Я вытащил карманные часы и посмотрел время.

— Вообще-то у меня есть пару часов…

— Отлично! Пошли в трактир. Я тебя угощу, а ты мне расскажешь, что там было, — оживился Кирилл, прислонил швабру к стене и пошел вперед меня. — Кстати, я решил остаться в академии. Уверен, здесь будет много интересного происходить. Ведь здесь учится сам сибирский знахарь-духогляд Устинов, — он распахнул передо мной дверь.

— А я очень надеюсь, что ничего необычного происходить не будет, — еле слышно ответил я.

***

Илья понимал, что травы и снадобья знахарки не помогут ему, ведь с каждым днем раны выглядели все хуже. Он чувствовал, что слабеет, и понимал, что смерть близко. Отправить отсюда весточку Степе не представлялось возможным, поэтому он решил довериться судьбе и перестать бороться. Если суждено умереть во цвете лет, значит, так тому и быть.

Дверь скрипнула, и послышались легкие торопливые шаги. Это точно была знахарка Пелагея. Илья повернул голову и встретился с ее почти черными глазами.

— Ну как ты, Илья? — спросила она, опустилась рядом с ним на колени и, отодвинув край повязки, заглянула под нее.

— Умираю, — еле слышно ответил он, ведь сил не осталось даже на разговоры.

Жизнь медленно, по капельке покидала его тело.

— Погоди умирать. Сегодня снова буду Лешего звать. Может, соизволит явиться, — она с недовольным видом покачала головой, разглядывая его грудь.

— А нельзя ли послать за доктором? — с надеждой попросил Илья.

— Пока туда, потом обратно — помрешь за это время. Обиделся Леший на меня, что в прошлый раз мало подношений принесла, вот и воротит нос. Ну ничего, сегодня он обязан явиться, а то самому же плохо будет, — грозно сказала девушка, посыпала раны сухой травой с терпким, кисловатым запахом и вновь накрыла тканью.

— Кто такой этот Леший? Травник? Знахарь? — уточнил Илья, ведь три последних дня только о нем и слышал.

— Не человек он. Увидишь — сам поймешь, — знахарка поднялась на ноги и принялась заплетать растрепанные волосы. — Ты раньше времени себя не хорони. И не таких вытягивала. Помнится, лет сорок тому назад местному мужику ногу деревом раздробило. Хотели уже отпилить, но Леший вышел и ногу заживил. Даже все шрамы прошли, которые он на войне получил. Нога как новая стала.

— Вы так уверенно об этом говорите, будто сами видели, — ответил Илья, не веря ни единому слову.

— Сама и видела, — подтвердила она. — Сама и Лешего вызывала. Бабка меня научила.

— Сорок лет назад? — с недоверием посмотрел он на нее. — Не может быть. Вам самой не больше двадцати пяти.

— Ошибаешься, голубчик, старше меня никого в деревне нет, — она завязала косу синей лентой и вышла.

Илья отвернулся к стене. Из-за жара и слабости он даже думать не мог. Не понимал, как очутился у деревни, ведь был в постоялом дворе, а тут еще какая-то девица заявляет, что она старше всех местных и может вызвать какого-то Лешего. Он решил, что Леший — это прозвище и речь идет о каком-то травнике или тоже знахаре.

Отпив из кружки травяной настойки, что стояла на табурете у его лежанки, Илья решил поспать, чтобы конец наступил быстрее. На постоянную ноющую боль в груди он уже не обращал внимания, будто она стала частью его самого.

Во всей этой ситуации ему больше всего было жаль родителей, которые никогда не узнают, что случилось с их сыном. Перед отъездом из Иркутска он написал домой письмо, в котором рассказал о своих планах и мечтах. Написал, что направляется в Москву, а оттуда — в Причерноморскую губернию. Больше они от него вестей не получат. Какое-то время он будет числиться пропавшим без вести, и родители будут надеяться, что он рано или поздно объявится, а потом поймут, что этого никогда не случится. Возможно, это даже лучше, чем точно знать, что сын мертв.

— Умирать не так уж и страшно, — прошептал он и улыбнулся.

Илья уже задремал, когда услышал скрип двери и шаги. Наверняка пришла дочь крестьянина Варвара. Обычно, когда он спал, девушка тихонько подходила к его лежанке, прислушивалась к дыханию и шла заниматься своими делами. Но сейчас все было по-другому.

— Илья, ты меня слышишь? — легонько потрясла она его за плечо.

Ему очень не хотелось тратить силы на то, чтобы открыть глаза и ответить, но Варвара была очень настойчива.

— Илья, просыпайся! Просыпайся!

С тяжелым вздохом он открыл воспаленные глаза и уставился мутным взглядом на девушку.

— Хорошо, что ты еще здесь. Тебе помогут. Пелагея велела вывести тебя на улицу, — Варвара откинула одеяло и потянула его за руку. — Давай, вставай. Я не смогу тебя вынести, сил не хватит.

— Зачем мне куда-то идти? Дайте спокойно умереть. Осталось недолго, — слабым голосом ответил Илья.

— Леший пришел. Слышишь? Леший вышел на зов Пелагеи. Стоит на краю леса и ждет.

— Какой Леший? Что за бред? Никуда не пойду. Оставь меня в покое, или сразу в могилу положите, — запротестовал он, вырвал руку и снова натянул одеяло по самый подбородок.

— Ах так?! Либо ты сам встаешь, либо я папу позову, и он тебя на плече вынесет! — пригрозила Варвара, рывком сдернула одеяло и отбросила подальше. — Вставай! Леший пришел спасти тебя!

— Как же вы мне все надоели. Леший, Леший, Леший, — передразнил Илья. — Не даете помереть спокойно. Ладно, пошли, показывай своего Лешего.

Он ухватился за край лежанки и сел, затем спустил ноги и почувствовал, что кружится голова. Все так и плывет перед глазами.

— Тебе плохо, да? — встревожилась Варвара, взяла его под руку и начала поднимать. — Потерпи немного. Потерпи, миленький. Сейчас тебя вылечат.

Илья с помощью девушки поднялся и, с трудом переставляя ноги, двинулся к двери.

Вечерело. На небе зажигались звезды, показался белый лик луны. Илья шел босиком по колкой траве, всеми силами стараясь не упасть. К счастью, Варвара была рядом и придерживала его.

— Сколько идти? — спросил Илья, заметив, что они отдалились от деревни и двигались мимо огородов в сторону леса. Вдалеке виднелись двое человек: крестьянин Захар и знахарка Пелагея.

— Ты на погост меня ведешь, — утвердительно сказал Илья. — И правильно. Положите меня в могилу, а как помру, засыпьте землей, чтобы…

— Замолчи ты, дурак! — возмутилась она. — Как не стыдно такое говорить? Мы изо всех сил стараемся тебя выходить. Чтобы живым остался, а ты… пентюх!

— Сама такая, — обиделся Илья и, прищурившись, снова вгляделся вдаль. — Лучше бы рассказала, куда ведешь, а то придумали какого-то Лешего. Нет там никого. Только батя твой и знахарка неграмотная, которая не знает, сколько ей лет, и выдумывает всякое.

— Сейчас сам все увидишь, — загадочно ответила она и ускорилась, подгоняя Илью.

Свежий лесной воздух немного взбодрил Илью, и, хотя раны продолжали болеть, а ноги тряслись от слабости, ему будто стало немного лучше.

— А вот и мы. Зачем звали? По грибы собрались? — усмехнулся Илья, когда до смиренно стоящих Захара и Пелагеи осталось не больше десяти метров.

Они ничего не ответили, а одновременно повернулись в сторону леса. Илья проследил за их взглядом и увидел кое-что странное. В полутьме виднелись золотистые огоньки, убегающие вдаль. Будто свечи горят, но так, что пламя даже не шелохнется.

— Что это? — шепотом спросил Илья и вдруг испуганно отпрянул.

По золотистым огонькам шел кто-то огромный, вдвое выше человека.

— А вот и Леший, — с облегчением выдохнула Пелагея и улыбнулась Илье. — Ты спасен.